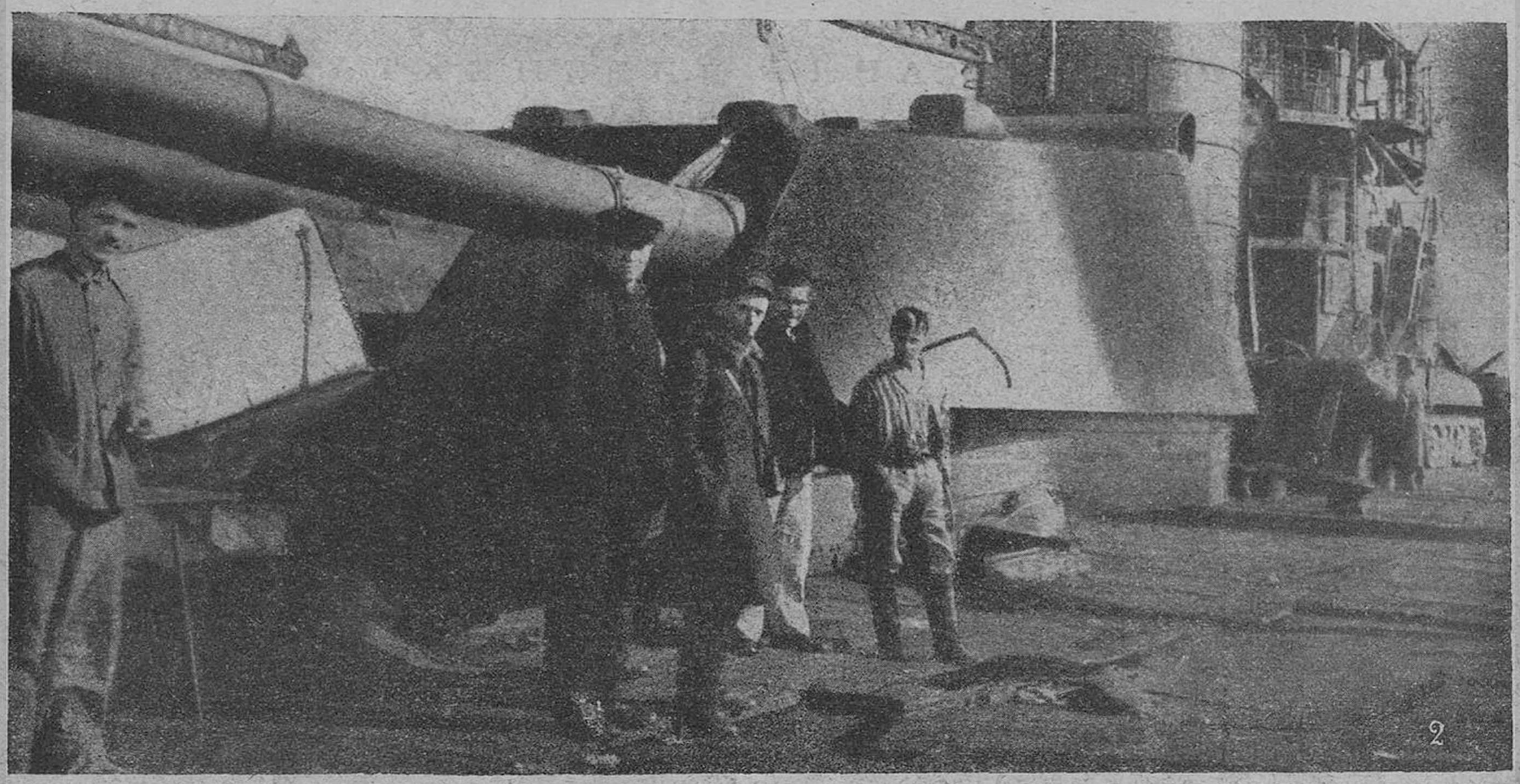

Пробоина на корабле «Севастополь» от 12-дюймового снаряда, пущенного с форта «Красная Горка».

Худож. выставка «Красная Армия». Портрет Л. Троцкого работы худ. Ю. П. Анненкова (справа — автор).

ЦЕНА 6 РУБ. (ден. знак. 23 г.).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КРАСНАЯ НИВА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

А. В. ЛУНАЧАРСКОГО и Ю. М. СТЕКЛОВА

№ 12. Москва, 25 марта 1923 г. № 12.

СОДЕРЖАНИЕ.

И. Н. Потапенко.—Наталья Рындина, рассказ.—**Всеволод Иванов.**—Часы, сказ.—**Ромэн-Роллан.**—Очарованная душа, роман.—**Г. Уэллс.**—Яко боги, роман.

Стихи: Пимена Карпова, Ник. Тихонова, Вл. Пяста, Александра Ширяевца и О. Мандельштама.

Статьи: А. Луначарского, Артура Голитчера., Я. Т. и Х. Херсонского.

Иллюстрации: приезд польских коммунистов, съезд бывших эс-эров, открытие художественно-промышленной выставки, экспонаты и общий вид витрин выставки, к годовщине кронштадтского мятежа, новый портрет Л. Троцкого работы худ. Анненкова, портреты, графика и пр.

Сатира: Вл. Маяковского—„Тресты".

Библиография. Наука и техника, заметки.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ИЗВЕСТИЙ В. Ц. И. К."

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КРАСНАЯ НИВА

№ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ 12

ЛИТЕРАТУРА

НАТАЛЬЯ РЫНДИНА.

Рассказ **И. Н. Потапенко.**

И. Н. Потапенко.

I.

В городе, отстоявшем полсотни верст от границы, его не знала ни одна душа. Поэтому он, с давно уже не испытанным чувством удовольствия, свободно расхаживал по главной улице, по старой привычке заложив руки за спину, останавливался перед витринами так внезапно возродившихся из пепла магазинов, всматривался в лица прохожих.

Был пасмурный короткий зимний день, к четырем часам уже, казалось, выдохшийся. Лениво переводя взор с одной вывески на другую, он вдруг остановился и опустил руки, видимо опешив.

Мимо него быстрыми твердыми шагами промелькнула фигура в серой военной шинели и фуражке и, как ему показалось, с женским лицом. И в этом лице он схватил черты, напомнившие ему что-то из прошлого. В первое мгновение он даже не сообразил, что именно; но довольно было нескольких минут, чтобы не только вспомнить, но и ощутить неотразимое желание догнать, остановить, назвать по имени, и страх — потерять из виду и больше никогда не встретить.

Но сперва надо было убедиться; и он, дав полный ход своим длинным ногам, перебежал на противоположный тротуар, обогнал ее, и оттуда, без риска быть замеченным, своими зоркими глазами продолговатой калмыцкой формы жадно впивался в каждую черту ее лица.

Да, это была она. Четыре года приложили все старания, чтобы сделать это лицо неузнаваемым. В эти четыре года на земле потрачено человеческой энергии больше, чем от сотворения мира до них.

Кожа на лице огрубела,—та нежная, прозрачная кожа восемнадцатилетней девушки, созревшей в теплице столичного института и холенной в богатой помещичьей семье, где все было возможно и доступно—без отказа.

Легкая поступь ног, едва касавшихся земли, робкая, как бы сомневающаяся в каждом шаге, стала уверенной и решительной, что еще более подчеркивалось тяжелым стуком грубых сапог из толстой, плохо выработанной кожи. А волосы—тогдашние две пышные косы, отливавшие золотом,—их не видно и признаков, а под военной фуражкой им не поместиться. Куда она их девала?

Он быстро прошел значительно вперед, потом снова перешел улицу и очутился шагах в пятидесяти впереди ее. Он остановился на краю тротуара и смотрел в упор на нее. Может быть, узнает—остановится.

Она шла прямо на него. Приблизилась, поравнялась. Взгляд ее упал на его лицо и несколько секунд задержался, а затем соскользнул равнодушно, и она пошла дальше. «Не узнала»,—подумал он, и тут только вспомнил о той перемене, которую он нарочно устроил с своим лицом. Тогда он носил густую бороду и усы, а теперь лицо его было начисто выбрито, и только где-то на шее росли и выползали наружу прямые песочного цвета волосы, придавая его лицу, как он сам определял, «вид голландского рыбака».

Но он ни за что не позволил бы себе потерять ее из виду. Уехать, не повидавшись с нею и не узнав, во что она превратилась, он не простил бы себе этого во всю жизнь.

Он догнал ее и, замедлив шаги близ ее спины, осторожно произнес:

— Наталья Михайловна...

Она вся вздрогнула, как лошадь, неожиданно получившая кнут; плечи ее поднялись и сейчас же упали, и она, словно ее толкнули сзади, быстро побежала вперед, но вдруг, видимо, раздумав, остановилась и повернулась к нему. С величайшим недоумением она осмотрела его с ног до головы.

— Не знаю,—сказала она:—вы ошиблись, товарищ...

Он подошел к ней вплотную.

— Вы меня не узнали... Это понятно. Но не знать меня вы не можете. Я тогда назывался Петром Афанасьевичем Варенским.

Она широко раскрыла глаза.

— Вы?.. Да... Правда... Теперь я вижу, что это вы...

Лицо ее, за минуту казавшееся таким строгим, освещенное ясной улыбкой, вдруг расцвело. Он смотрела на него снизу вверх, потому что он был очень высок ростом, и как будто что-то припоминала,—может быть то, каким он был тогда, а может быть, и все другое, что было тогда.

— Так, значит, мы знакомы?—шутливым тоном молвил он.

— Разумеется.

И она протянула ему руку.

— И вы дадите мне возможность посидеть с вами часок-другой? За четыре года столько пережито... Есть чем поделиться, Наталья Михайловна...

Он с удивлением заметил, что у нее в глазах промелькнула какая-то тревожная тень и она опасливо оглянулась: